

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ

УДК: 398 (=551.3):623.444

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН

Нож как критерий силы и независимости в фольклоре оседлых коряков

В традиционной корякской культуре железный нож – сверхценность. Такое отношение к ножу отразилось в традиционном фольклоре. Владение ножом исключительно человеческое преимущество. Ножом владеет род потомков Большого Ворона. В традиционных повествованиях устойчиво повторяется сравнение, выражающее красоту ножа: «нож, как воронье крыло». Мифические иноплеменники рода Куткыннюку не владеют ножами. Нож как ценный дар им преподносит сын Большого Ворона, юноша Амамкунт. Нож как дар функционирует в охотничьих обрядах.

В корякских сказках упоминаются деревянные, каменные, глиняные и железные ножи. Наиболее ценными являются железные ножи. Упоминание ножа в тексте корякской сказки всегда функционально. Выявление этнографического контекста позволяет понять логику фольклорного повествования.

Ключевые слова: коряки, корякский фольклор, мифологический эпос, Вороний цикл, фольклорная традиция, авторское начало, этнографические реалии.

Предметный мир сказки непосредственно связан с этнографическими реалиями бытовой жизни этноса. В традиционных повествованиях бытовой мир преобразуется: бытовые предметы так же, как и в ритуальной практике, могут наделяться особыми свойствами.

В традиционной корякской культуре железный нож – сверхценность. Появление у коряков изделий из железа этнографы связывают с приходом на полуостров русских казаков в середине XVII в. [История и культура коряков, 1993, с. 93]. В этнографических исследованиях утверждается, что коряки железо не изготавливали: «это производство [кузнечное ремесло] целиком зависело от привозного материала – железа, которого сами они, вероятно, изготавливать не умели. <...> Окончательно не установлено, были ли коряки знакомы с обработкой железа до появления на Камчатке русских» [Там же, с. 169]. В. Атласов писал о том, что привезённые казаками железные изделия (ножи, копьё) пользовались у коряков исключительной популярностью: «<...> а железа у них нет и не родится, а опричь железного – ножей и палем и копий – иного они ничего у нас не берут» (цит. по: [Вдовин, 1973, с. 65]).

Этнографы отмечают, что отдельные предметы из железа могли попадать и ранее «из Японии, через Курильские острова и из Северо-Восточного Китая, по Охотскому побережью» [История и культура коряков, 1993, с. 169].

Голованева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: gta-77@mail.ru; тел.: +7-914-052-77-60.

Нож – чрезвычайно значимый инструмент. В этнографической литературе находим сведения о том, что железные ножи делали исключительно в селах Парень и Куэл Пенжинского района Камчатского полуострова: «Центром корякского кузнечества в XIX – начале XX века были два селения паренских коряков – Парень и Куэл. Здесь знали горячую обработку только железа, другие металлы обрабатывали холодным способом. Заготовками служили слитки железа, листовая медь и латунь, получаемые от русских купцов. <...> Паренские и куэлские кузнецы работали по заказам торговцев, а также для менового торга, который вели сами» [Там же, с. 95]. Ножи паренских и куэлских мастеров славились по всему краю.

Этнографические реалии служат основой детализации традиционного повествования. Паренские ножи были настолько знамениты по всей Камчатке, что восхищение от работы паренских кузнецов отразилось даже в традиционных повествованиях о Куткыннюку, его сыне Амамкуте и внуке Акатню:

(1) *Потом посмотрел, на зуб попробовал. Смотри-ка, начал: ножище достал, паренский ножище достал. Где ходил Акатню, там начал ножом тыкать. Сказал: «Я не убил, но всё равно [убью], [потому что ты] пришёл от врагов». Домой пришёл Акатню* (Архив А. А. Мальцевой, текст 91, с. 636).

О роли паренского ножа в традиционной жизни оседлых коряков написал якутский фольклорист Владимир Михайлович Нутаюлгин: «Им можно резать, рубить, сверлить и делать много чего ещё. Потому в походных условиях без него никуда. Он заменяет лёгкий топорик, и даже молоточек. Когда его нет под рукой, можно остаться голодным. Это о паренском ноже. Его миссия отходит в прошлое. Однако об этом инструменте будут вспоминать, писать о нём. Хотя бы из благодарности. Потому что он был незаменимым спутником охотника, оленевода, рыбака и каюра многие и многие годы» [Нутаюлгин, 2014, с. 10].

Для обычных коряков кузнечное ремесло было недостижимым умением: «Искусные кузнецы пользовались у коряков особым уважением, на кузнечное ремесло смотрели как на божественный дар» [История и культура коряков, 1993, с. 95].

В традиционных повествованиях сын Ворона Куткыннюку – Амамкут не только владеет ножом, но и сам способен изготавливать ножи, что усиливает исключительность Амамкута, подчёркивает идеальность образа героя. Он старший сын Куткыннюку, абсолютно положительный герой, воплощение идеала мужчины в корякском фольклоре. Его умение делать ножи соответствует его роли идеального героя:

(2) *[Амамкут говорит Куткыннюку]: – Куткыннюку, Кутынпын украл сестру, пока я был в отлучке. – А... Ну делай ножи. Много ножей сделай. Закончил [Амамкут] делать ножи, много наделал* (Архив А. А. Мальцевой, текст 3, с. 11).

Возможно, изображение Амамкута, делающего много ножей, появилось не только как гипербола. Желание повествователя преумножить создаваемое Амамкутом богатство могло совпадать с реальным опытом рассказчика, видевшего процесс изготовления ножей. В тексте могло отразиться опосредованное впечатление от работы корякских кузнецов: «Самые искусные кузнецы находятся в Парени. Они очень долго и энергично куют клинки для ножей в полухолодном состоянии» [История и культура коряков, 1993, с. 169].

В традиционных повествованиях оседлых коряков о Большом Вороне, записанных от М. И. Притчиной, устойчиво используется сравнение «нож, как воронье крыло», подчёркивающее красоту и качество ножа:

(3) *Взял все Реки Звенящий-через-перевал, всех силачей. <...> Сильный, никто [не победит его], сильный Река. Этот Нож-Гремящий-Реки-как-огромное-воронье-крыло* (Архив А. А. Мальцевой, текст 65, с. 420).

(4) *Вскочила Зеркальная-изморозь. Нож использует, как воронье крыло, настолько красивый большой нож на бедре, вытащила его* (Архив А. А. Мальцевой: текст 66, с. 426, 427).

(5) *Кто спорит живот [медведю], тот и заберёт [невесту]. Большой нож, как воронье крыло, как бритвица, до того острый, огромный ножище, им начал вспарывать* (Архив А. А. Мальцевой, текст 67, с. 490).

Возможно, в сравнении *wala qənut walv=ə=tiŋəlŋən* ‘нож, как ворон=крыло’ отразились мифологические представления о силе и могуществе Куткыннюку. Однако в сказках сам Куткыннюку исключительно редко изображается как персонаж, владеющий ножом. При этом даже если Большой Ворон владеет ножом, то это не делает его охотником или воином. Куткыннюку владеет ножом как сокровищем:

(6) *Потом [Куткыннюку] нашёл нерпу. [Валвымтилъын ‘Воронье существо’] увидел нерпу, встретил чайку и сказал: «Куткыннюку, посмотри, вот нерпа. Давай её разделаем». Куткыннюку*

сказал: *«Плохо, мой нож блестит, замазывается»*. Чайка сказала: *«Плохо, мои крашенные торбаза испачкаются жиром»* (Архив А. А. Мальцевой, текст 54, с. 313).

Большой Ворон – это ещё не охотник и не воин. Куткыннюку владеет ножом, но это владение нефункционально. В традиционных повествованиях оседлых коряков владение ножом – это один из критериев силы героя. Хозяин ножа имеет такую силу, которая противопоставлена звериной сущности. Иначе говоря, владеющий ножом уже не зверь. Большой Ворон, владеющий ножом, – уже не зверь. Он ещё не совсем человек, потому что нож в его руках-крыльях нефункционален. Куткыннюку и его род, его потомки – владеющие ножами. Это один из признаков силы, противопоставленной звериной. Никто из животных ножом не владеет.

В одном из повествований, записанных от М. И. Притчиной, внук Куткыннюку, мальчик Акатню, имеет двойника с именем Готовый-нож-Акатню – это человек-нож. Человек-нож защищает своего двойника, мальчика Акатню, от самого могущественного зверя – от Человека-волка:

(7) [Человек-Волк думает]: *«Посмотрю-ка я на тундру, прежде чем съест человека с хорошими костями»*. Смотря на тундру, скатился с горы, спустился. Когда [Человек-Волк] так случилось, убежал [Акатню]. Он [Человек-Волк] перевалил [через гору] к Готовому-ножу-Акатню. Прибыл. Там след закончился. [Человек-Волк говорит Готовому-ножу-Акатню:] *«Всё равно я тебя съем»*. *«Здравствуй, приятель! Что случилось, зачем я тебе? Зачем, приятель, хочешь меня съест? – его приятель [приятель настоящего Акатню], Готовый-нож-Акатню говорит. – Кто ты, приятель, хочешь меня съест?»* *«Ну надо же... Я тебя надрезал – проверил. Нету надрезов»*. *«Я не Акатню. Я Вечерний-нож-Акатню»*. *«Вот как я ошибся, чуть не съел тебя»*. Пошёл домой Акатню. (Архив А. А. Мальцевой, текст 66, с. 475). Владение ножом уравнивает внука Куткыннюку с самым сильным, наделённым магической силой зверем – Человеком-Волком. Нож – двойник, защищающий от нападения Человека-Волка. Представление о том, что нож обладает собственным духом, имело место в чукотской архаической культуре. Об этом говорит Н. Н. Диков, когда пишет о раскопках Уэленского могильника: *«На тазовых костях плашмя лежал большой нож из глинистого сланца, расколотого надвое. Он был сломан нарочно, чтобы его “душа” наверняка попала на тот свет к душе хозяина-покойника»* [Диков, 1969, с. 127].

Владение ножом в традиционных повествованиях оседлых коряков предстает как особое преимущество. В зависимости от исходного природного материала ножи противопоставлены по своим свойствам: каменные, костяные, железные. Это противопоставление отчасти отразилось в традиционных повествованиях. Лучший нож – железный. Предпочтение отдается именно железному ножу:

(8) *Убежала [Женицина-Зеркальная-Изморозь]. Нож [её] вот так впилился. Затупила. Оказывается, из стали. Кожу бы порезала – убила бы [Амакутыкыльгына]. <...> [Гремящий-через-перевал-река удивляется:] «Ты что, о лобную кость дикого оленя нож испортила? Он ведь из стали. Как тебе удалось? О чью-то челюсть, о челюсть дикого оленя-быка? Такой крепкий нож затупился!» Другой дал. И всё время так* (Архив А.А. Мальцевой, текст 66, с. 426, 427).

В корякских сказках никогда никто не точит ножи. Если нож затупился, то он становится негодным. В обиходе коряки использовали костяные, каменные и железные ножи. Но в сказках упоминаются ещё и деревянные ножи.

Деревянные ножи применяли в ритуальных целях в обрядовой практике. В частности, в охотничьих обрядах деревянный нож подносили как ценный дар убитому зверю-самцу: *«Прежде чем снять шкуру с лисы, её приглашали раздеться и согреться. Сняв шкуру, давали новую “одежду” – оборачивали тушку морской травой. Прощаясь с лисой, засовывали в тушку кусочки юколы и рыбу икру, самцу давали деревянный ножик, самке напёрсток и игольник. Отправляя гостью, говорили: “Поди, скажи товарищам, что гостить хорошо, старую кухлянку сняли, новую надели. И вы туда идите!”»* [История и культура коряков, 1993, с. 124]. Однако в сказках появление детали «деревянный нож» связано с особенностями стиля фольклорного повествования. Деревянный нож – это образное изображение никудышнего ножа:

В чавчувенском варианте сказки «Кит» нож, которым владеет самый бедный юноша, – деревянный:

(9) *Потом потихоньку приблизился парень, плохо одетый. Вынес деревянный ножичек. Сразу на смех его подняли: «Что он делает?» «Прочь убирайся!» «Погоди, нож испытаю», – потихоньку сказал парень. Сразу на смех его подняли, потому что [он] с деревянным ножом* (Дедек Е.И. «Кит»).

Не только деревянный, но и каменный нож уступает железному. Каменный нож упоминается в сказке, записанной от М. И. Притчиной:

(10) [Девушка внутри медведя говорит:] *«Быстрее разрежьте мне живот, душно»*. Только чуть прикоснулся [Биси], сам нож побежал, вспорол, вышла [девушка]. *«Ты посмотри, они показывают*

своё волшебство! Простым каменным ножом вспорол живот» (Архив А. А. Мальцевой, текст 67, с. 489). До конца XVII в. каменные ножи были повсеместно распространены среди коряков. Хотя железные ножи появились только с приходом русских, к середине XVIII в. они стали распространённым явлением [Вдовин, 1973, с. 189].

В фольклоре свойства изображаемых предметов могут значительно усиливаться или преуменьшаться. Предметный мир сказки отчасти сопоставим, отчасти противопоставлен бытовой реальности. Ни в одном из этнографических исследований не упоминается о наличии глиняных ножей у коряков. Да и трудно представить, каковы могли бы быть функции такого ножа. Однако в сказке, записанной японской исследовательницей Ю. Нагаяма от Матрёны Павловны Ивнако, Куткыннюку вооружается глиняным ножом. В этом случае глиняный нож предстаёт пародией на предмет настоящий, точно так же, как и глиняная шапка, глиняные торбаса, глиняные штаны:

(11) *Однажды утром Куткыннюку проснулся и сказал: «Старуха, Миты, давай приготовь эти глиняные штаны и глиняную шапку, глиняные торбаса, глиняный ремень и глиняный нож, чтобы пойти на берег моря»* [Нагаяма, 2015, с. 59].

В фольклоре оседлых коряков устойчиво соблюдается противопоставление: настоящий нож <—> ракушка. В реальности ракушками никогда не пользовались и не могли пользоваться как ножами. Ракушка в качестве ножа нефункциональна. Иными словами, упоминание ракушки в качестве ножа — это желание рассказчика изобразить самый нелепый нож, которым пользоваться просто невозможно, но героям сказки приходится. Персонаж, который находится в зависимости, не имеет права владеть ножом. Тинианавыт, старшая дочь Куткыннюку, в чужой семье становится служанкой. В описании её страданий отдельное место уделяется именно ножу-ракушке. Отсутствие ножа при разделке изображается как ужасное мучение:

(12) *Ей [Тинианавыт] дали длинную ракушку. Дали скорлупу, чтобы ножиком была. Заставляли, чтобы этим всё резала. <...> [БМми] сказала [Эмэмкутыклэну]: «Ты здесь работаешь. Если бы ты знал, что сестра страдает. Её заставляют страдать сильно. Вот так. В тот раз туда крабам отдал Куткыннюку дочь. Вот они её там и мучают. Служанкой считают. Язык привязан к нёбу. Не может говорить. Вместо ножа использует створку ракушки»* (Архив А. А. Мальцевой, текст 135, с. 961, 962).

Владеть ножом — значит сохранять свою независимость. Владение ножом позиционируется в традиционных повествованиях как особое преимущество рода Куткыннюку. У мифических иноплеменников нет ножей. Вместо ножей они используют ракушки, и поэтому в сказках они предстают как недолюди:

(13) *«А теперь иди. Там встретишь селение разделяющих китов, у них нет ножей. Пустые ракушки вместо ножей используют. «Ладно!» «Поделись с ними ножами». Пошёл [Амамкут]. А там селение встретил. Китов разделяют, ракушками пользуются вместо ножей. «Эй, мужчины, вот ножи, этим разделяйте. Покажите мне дорогу к Кутыннюку». «Дойдешь до реки, с другой стороны, там Кутыннюк живёт»* (Архив А. А. Мальцево, текст 3, с. 11).

Получить помощь мифических иноплеменников можно, задоблив их подарками. Самым ценным подарком является нож. В этом фрагменте, возможно, отразились отголоски охотничьей обрядовой практики, когда убитому зверю в качестве богатого дара преподносили имитацию ножа. До последнего времени жизнь коряков целиком и полностью зависела от них самих. Охота и морской зверобойный промысел были основой их жизнедеятельности. В этих условиях нож — это критерий силы и независимости. Жизнь потомков оседлых коряков за последнее столетие изменилось кардинальным образом. Тот этнографический субстрат, который служил основой детализации традиционных фольклорных текстов, практически исчез. Реликты исторического прошлого этноса сохраняются в фольклоре, но вне связи с этнографическим контекстом могут приобретать иное толкование или утрачиваться.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

Архив А. А. Мальцевой — Архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1991–2006 гг. сотрудниками Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН), а также лично Аллой Александровной Мальцевой, ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН. Расшифровка аудиозаписей и перевод текстов с алюторского на русский язык произведена А.А. Мальцевой при участии коряков-алюторцев.

Архив А. А. Мальцевой, текст 3 – рассказала Вера Васильевна Васагиргина, 1944 г.р., уроженка окрестностей с. Вывенка Олюторского р-на Камчатского края. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив А. А. Мальцевой, текст 54 – рассказала Людмила Степановна Песучен, 1952 г.р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на Камчатского края. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив А. А. Мальцевой, текст 65 – рассказала Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г.р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на Камчатского края. Записала А. А. Мальцева в пос. Оссора в 2005 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии А. Я. Волковой в п. Оссора в 2005 г.

Архив А. А. Мальцевой, текст 66, 67 – рассказала Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г.р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на Камчатского края. Записала А. А. Мальцева в п. Оссора в 2005 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии В. М. Кириченко в пос. Оссора в 2007 г.

Архив А. А. Мальцевой, текст 91 – рассказала Елизавета Андреевна Эхивнав, 1944 г.р., уроженка с. Вывенка Алюторского р-на Камчатского края. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив А. А. Мальцевой, текст 135 – рассказала Варвара Кондратьевна Белоусова, 1930 г.р., уроженка с. Лесная. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в пос. Палана Тигильского р-на Камчатского края в 2006 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой в с. Лесная в 2006 г.

Нагаяма, 2015, текст 14 – рассказала Матрёна Павловна Ивнако, 1928 г.р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на. Записала Ю. Нагаяма в пос. Хаилино Олюторского р-на Камчатского края в 2001 г. Аудиозапись расшифрована Ю. Нагаяма при участии В. М. Нутаюлгина и Л. И. Чечулиной.

Список литературы

- Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
Диков Н. Н. Древние костры Чукотки и Камчатки. 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969.
История и культура коряков / Под ред. А. И. Крушанова. СПб., 1993.
Нагаяма Ю. Материалы по языку нымыланов-алюторцев. Саппоро, 2015.
Нутаюлгин В. М. Прославивший Парень // Газета Корякского национального округа «Народовластие». 04.10.2014. № 80. С. 10.

T. A. Golovaneva

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
gta-77@mail.ru*

The knife as a criterion of strength and independence in settled Koryak's folklore

In traditional Koryak culture iron knife has a super-value. This attitude of the knife was reflected in traditional folklore. The possession of knife is solely only human benefit. In mythological tales of the Koryaks, the son of the Raven *Kutkynnyaku*, young *Amamkut*, not just owns a knife, but he is also able to produce knives that increase his exclusivity *Amakute*. The Big Raven dependences can only possess with a knife. In traditional narratives the comparison of the beauty of a knife repeats steadily: 'knife like the Raven's wing'. The Big Raven's grandson, the boy *Akatnu*, has a twin: *Ready-knife-Akatnu*. Twin-knife protects the boy from the attack of the most powerful creature – the Wolf.

The character who became a slave has no right to own with a knife. The oldest daughter of the Big Raven, the girl *Tinianavyt*, becomes a servant in an alien family. Instead of a knife she was given a seashell, which she must use. The knife shows the independence of character.

Mythical alien-tribes of *Kutkynnyaku*'s family cannot own the knife. The knife as a gift was presented to them by the son of a Big Raven, the lad *Amamkut*. The knife as a gift operates in hunters rites. The Dead male – animal was given with the wooden knife – the imitation of the real one. Perhaps the echoes of this hunting ritual were reflected in mythological tales of the settled Koryaks.

In Koryaks tales wooden, stone, mud and iron can be mentioned. The most valuable are iron knives. Due to historic information Koryaks got such knives after the arrival of the Russians in the mid-XVII century. The mention of the knife

in the text of the Koryaks tales is always functional. In the traditional stories of the settled Koryaks stresses that the stone knives in their features noticeably concede to iron. The wooden knife is an exaggerated image of bad knife, which can be used by the poor lad. The mud knife is a parody of the real knife, designed to enhance the comic effect of the narrative. The Big Raven armed with the mud knife in the story with the mouse tricks.

Ethnographic realities, which were the basis of the text content of the Koryak mythological narratives, go to the past. Detecting the ethnographic context allows you to understand the logic of folklore storytelling.

Keywords: Koryaks, Koryak folklore, mythological epos, Big Raven cycle, folklore tradition, author, ethnographic realities.

References

- Vdovin I. S. Oчерки etnicheskoy istorii korjakov [Sketches of the ethnic history of the Koryaks]. Leningrad, 1973.
- Dikov N. N. Drevnie kostry Chukotki i Kamchatki. 15 tysjach let istorii [The ancient fires of Chukotka and Kamchatka. 15 thousand years of history]. Magadan, 1969.
- Istorija i kul'tura korjakov [History and culture of the Koryak]. Sankt-Peterburg, 1993.
- Nagayama Ju. Materialy po jazyku nymylanov-aljutorcev [Materials of Language of Nymylan-Alutor]. Sapporo, 2015.
- Nutayulgin V. M. Proslavivshij Paren' [Gorified Paren']. In: Gazeta Koryakskogo nacional'nogo okruga «Narodovlastie» [Newspaper of Koryak National District «Democracy»] // Palana. 04.10.2014. № 80. P. 10.